

К.В.Титов

«CONTRAT SOCIAL» ПО-СТАЛИНСКИ

НОМЕНКЛАТУРА И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНТРАКТА 1924—1927 гг.

Ключевые слова: политический контракт, номенклатура, верховная власть

Автор этой статьи уже высказывал гипотезу о некоем контракте между верховной властью и номенклатурой, заключенном в 1956 г. и дополненном в 1964-м¹. Была предпринята попытка реконструировать статьи этого контракта в редакциях 1956 и 1964 гг. на основе анализа двух ключевых текстов — доклада Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях», сделанном на закрытом заседании XX съезда КПСС, и выступления М.А.Сулова на Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г.

¹ См. Титов 2005, 2010.

Кроме того, мною была высказана гипотеза, что контракты 1956 и 1964 гг. есть не что иное, как восстановление «первоначального контракта», предложенного номенклатуре еще в 1923—1927 гг. И.В.Сталиным.

Версия о существовании «первоначального контракта» возникла потому, что ситуация 1923—1927 гг. была в известном смысле аналогична ситуациям 1956 и 1964 гг., по самой своей структуре вызывавшим к жизни феномен «кондиций». Этот тип ситуаций может быть описан следующей схемой: уход вождя — носителя верховной власти при отсутствии официально объявленного «наследника» порождал борьбу за власть, и поскольку для легитимного ее обретения требовалась поддержка высших партийных форумов, то представленная на них номенклатура получала возможность выбирать между претендентами. Разумеется, выбор номенклатуры падал на того, кто предлагал ей лучшие условия. Именно такая ситуация и сложилась после смерти В.И.Ленина, когда номенклатура уже вышла на политическую сцену в качестве серьезного игрока.

Версия о том, что Сталин победил благодаря поддержке номенклатуры, мягко говоря, не нова. Моя цель — доказать наличие контракта, предложенного номенклатуре Сталиным в обмен на поддержку во внутрипартийной борьбе, и реконструировать его конкретные статьи. Мое внимание будет сконцентрировано на первом раунде этой борьбы — борьбе между «тройкой» (Сталин—Зиновьев—Каменев), с одной стороны, и группой Л.Д.Троцкого, с другой. Этот раунд во многом являлся определяющим и оставил ряд интересных для нас источников. Во-первых, это письма, инициированные «тройкой» и направленные всем

² *Известия ЦК КПСС 1990, № 7: 176—189, № 12: 172—175.*

³ *См. Правда. 14.12, 15.12, 18.12.1923.*

⁴ *См. Сталин 1947: 5—26.*

⁵ *По сути дела речь идет об упрощенной и адаптированной форме методики, описанной в Ковальченко, Бородкин 1987: 12—14; Кобринский 2001: 10—12.*

⁶ *Здесь и далее в круглых скобках указывается количество упоминаний термина в тексте отрывка, посвященного данной «ошибке» (если оно больше единицы). В сочетании с указанием на объем фрагментов, посвященных каждой ошибке, это позволяет судить об активной лексике докладчика, с помощью которой он доводит до аудитории свои мысли.*

членам Политбюро ЦК и Президиума ЦКК², во-вторых, материалы дискуссии в «Правде»³ и, наконец, доклад Сталина на XIII партконференции⁴. С точки зрения поставленных в данной статье задач ключевое значение имеет последний документ, ибо если контракт был оглашен публично, то именно в этот момент.

Информация, необходимая для реконструкции статей контракта, содержится в основной части доклада Сталина, где он разбирает «шесть ошибок Троцкого».

Здесь необходимо остановиться и кратко описать методику предлагаемой реконструкции. Статьи контракта можно реконструировать при помощи техники, основанной на принципах контент-анализа и предполагающей изучение активной лексики автора документа, частоты употребления им различных понятий и отношений между ними⁵. Более конкретные, операциональные формы применения этой техники определяются содержанием и общей структурой самого документа.

Доклад Сталина выполнен в жанре обвинительной речи: в нем указывается на фигуру обвиняемого (условно назовем его «агрессор»), его действия («ошибки Троцкого») и круг пострадавших от них («жертвы»). Соответственно, нам нужно зафиксировать совокупность конкретных терминов (индикаторов), в которых описываются действия агрессора (например, «грубо навязывал», «нарушал» и т.п.) и его жертвы, а затем объединить эти термины в более крупные категории. Если окажется, что все термины, в которых описываются жертвы, сводимы к категории «номенклатура» и все действия агрессора представляли угрозу для нее и только для нее, значит, номенклатура и являлась той целевой аудиторией, которой гарантировалось, что подобные угрозы будут ликвидированы. Осуждение действий агрессора, равнозначное обещанию «делать наоборот», и следует понимать как обязательства верховной власти, принятые ею на себя в обмен на политическую поддержку со стороны номенклатуры, то есть условия контракта.

Теперь, когда методика описана, можно перейти к анализу избранного источника, а именно той части доклада Сталина, где он говорит о «шести ошибках Троцкого».

По словам Сталина, первая ошибка Троцкого заключалась в том, что он «выступил с платформой, противопоставленной резолюции ЦК». Однако если мы внимательно проанализируем аргументы докладчика, то увидим, что на самом деле Троцкий обвинялся не в создании платформы и нарушении партийной дисциплины, а совершенно в другом. Об этом говорят как упомянутые Сталиным действия агрессора, так и характер их жертв.

Действия Троцкого описываются терминами «подрывал доверие» [к ЦК], «противопоставил» [«выступил против» и т.п.] (7)⁶, «встал над» [«пытается встать выше» и т.п.] (5), «возомнил», «открыто игнорирует», «может себе позволить»; [действовал] «независимо» [от ЦК], «помимо воли» [ЦК], «через голову» [ЦК]. При этом сама фамилия Троцкого

упоминается в связке с такими терминами, как «платформа» (5), «оппозиция», «сверхчеловек» (3), «вельможа», «себя» [противопоставил себя и т.п.] (5), «один» [член ЦК] (2). Таким образом, Троцкий оказывается повинен в двух грехах: он оппозиционер и вельможа-сверхчеловек, который «возмнил» и «встал над». Показательно, что на второй грех докладчик обращает внимание слушателей в два раза чаще, чем на первый (11 против 6). Ведь если носителем верховной власти станет вельможа Троцкий, стремящийся подмять под себя даже ЦК, то что тогда ждет номенклатуру, в том числе представленную делегатами конференции?! Иными словами, победа Троцкого чревата отрывом верховной власти от номенклатуры, установлением отношений господства—подчинения.

Осуждение такого поведения Троцкого автоматически предполагает, что его противники («тройка») исповедуют иные принципы. Хотя в докладе эти принципы не артикулированы, вывод следует сам собой: носители верховной власти максимум в первых рядах, но никак не «над». Они играют по общим правилам, ограничивая себя выполнением «единогласно принятых решений». Это и можно считать первой статьёй «кондиций», составленных и принятых в период 1923—1927 гг.

Для обоснования этого тезиса необходимо, однако, доказать, что в качестве жертвы Троцкого выступала именно номенклатура. Пострадавших от «первой ошибки», о которых говорил Сталин в данной части своего выступления, можно разделить на три категории: «ЦК», «партия» и «рабочие». В категорию «ЦК» входят собственно «ЦК» (11), «Политбюро ЦК» и, условно, «ЦКК». Кроме того, к этой категории следует отнести упоминания о решениях ЦК («резолуция ЦК», «решения ЦК», «законы»), грубо поправленных Троцким (10)⁷. Итого во фрагменте, посвященном «первой ошибке» (16 строк), термины, входящие в категорию «ЦК», фигурируют 23 раза. К категории «партия» можно отнести 2 термина (собственно «партия» и «партийная дисциплина»), упомянутые по одному разу. Термин «рабочие» также упомянут всего раз.

Итак, жертва агрессии — это по преимуществу «ЦК» (23 упоминания против 3). В результате складывается впечатление, что Сталин рассказывал конференции об обидах, которые были нанесены Троцким Центральному комитету и не имели прямого отношения к большинству делегатов (среди делегатов конференции лишь 28% представляли ЦК и ЦКК). Кроме того, возникает вопрос: правомерно ли отождествлять категорию «ЦК» с понятием «номенклатура» применительно к 1923 г., когда статус партийных вождей — членов Центрального комитета строился отнюдь не на факте назначения? Как бы спеша разрешить эту методологическую проблему, Сталин обозначает «вторую ошибку» Троцкого: «Троцкий вел себя двусмысленно, грубо игнорируя волю партии, желающей узнать его действительную позицию, и дипломатически увертываясь от вопроса, в упор поставленного целым рядом организаций». Таким образом, наряду с вождями, к числу жертв подверстываются и «товарищи с мест».

⁷ Тезис о «возможности» о себе «сверхчеловеке» усиливается тем, что такая жертва, как «ЦК», дважды упоминается с определенным местоположением «весь», а из 10 упоминаний о резолюции ЦК, нарушенной Троцким, в трех случаях особо подчеркивается, что она была принята единогласно.

Структура отрывка, посвященного «второй ошибке», проста. Источник угрозы — Троцкий (2), упоминаемый в связке с такими терминами, как «оппозиция» (2) и «внутрипартийная борьба». Жертва — партия (2) («партия», «воля партии»), причем эта категория контекстуально привязана к терминам «целый ряд организаций», «организации», «воля ряда организаций». Действия агрессора — это опять же «игнорирование» и «грубое игнорирование».

Тем самым в контракт вписывается вторая статья: верховная власть обязуется не игнорировать (тем более «грубо») волю партии в лице руководства местных организаций и считаться не просто с его мнением, но с его «волей» (!).

Впрочем, этот эпизод занимает в докладе Сталина довольно скромное место (ему посвящено лишь 12 строк, или 6,6% рассматриваемого текста). Докладчик спешит перейти к наиболее «ударной» части своего выступления — третьей, четвертой и пятой «ошибкам». Все они имеют отношение к партийному аппарату и кадрам, и разбор их занимает в целом 53% текста.

«Третья ошибка» Троцкого заключается в том, что он «партийный аппарат противопоставил партии, дав лозунг борьбы с „аппаратчиками“».

Потенциальной жертвой этой «ошибки» выступает прежде всего сам «партийный аппарат». К данной категории относятся 20 терминов: собственно «партийный аппарат» (7), «аппаратчики», «ЦК» (4), «областные комитеты», «губернские комитеты» (5), «уездные комитеты» (2). Вместе с тем термины этой категории тесно связываются докладчиком с такими, как «руководство партийной работой» (5) и «партийная работа», которая тоже пострадает в случае реализации программы Троцкого.

В качестве потенциальных жертв «третьей ошибки» фигурируют также «некоторые неискушенные элементы нашей партии» (2) и «партия» как таковая (2). Но поскольку термин «партия», по сути, растворен в термине «аппарат» через многократные повторения сочетаний типа «аппарат нашей партии», «весь наш партийный аппарат, без которого партия немыслима», все его вариации (20 употреблений на 18 строк текста) можно вполне обоснованно включить в категорию «партийный аппарат».

Показательно многократное использование местоимений «наш», «наша» в сочетании с терминами «аппарат» и «партия». Благодаря этому рефрену, постоянно звучащему в обращении верховной власти к партийным аппаратчикам, создается впечатление полного саморастворения верховной власти в партии и аппарате.

Действия агрессора описываются следующими терминами: «противопоставление [аппарата] партии» (3), «дал лозунг борьбы с „аппаратчиками“», «отрицающий [сам принцип руководства партийной работой]», «дает толчок [анархо-меньшевистской расхлябанности и организационной распушенности]», «поставит под удар [весь наш партийный аппарат — аппарат, без которого партия немыслима]»,

«[партию, партийный аппарат] поставить на одну доску с меньшевиками». При этом докладчик настойчиво повторяет, что аппарат и его органы «подчинены» (3) партии и «выбираются» (3) ею.

Таким образом, в контракт добавляется еще одна статья: отказ от самой мысли о противопоставлении аппарата партии, признание за последним руководящей роли в партии и статуса «ядра партии». Тем самым верховная власть отказывалась от применения такого мощного оружия, как лишение аппарата «партийной легитимности», заранее объявляя любую подобную попытку троцкистской, анархо-меньшевицкой крамолой. Забегая вперед, отмечу, что это единственная статья контракта, которая не нарушалась верховной властью вплоть до горбачевских времен.

Тема «аппарата» находит свое развитие при разборе Сталиным «четвертой ошибки» Троцкого, когда в сталинском дискурсе появляется категория «кадры» (имеются в виду кадры партийного аппарата). В этом отрывке, занимающем уже 53 строки текста, термин «кадры» фигурирует 16 раз, в том числе 5 раз в сочетании со словами «наши» (5), «партия» (3) и «революция» (3) («кадры нашей партии», «наши кадры», «наши партийные кадры», «наши революционные кадры», «кадры, выросшие в борьбе за революционность»). Кроме того, этот термин употребляется в контексте таких понятий, как «ядро нашей партии», «партии коммунистической», «партии большевиков». При этом термин «кадры» противопоставляется понятиям «меньшевизм», «оппортунизм» (3), «империализм» (4) («родившиеся, выросшие и окрепшие в борьбе с меньшевизмом и оппортунизмом, борьбе с империализмом, оппортунистическими прихвостнями империализма», «пришедшие к власти в боях с империализмом», «потрясающие основы мирового империализма»).

Наряду с Троцким (2), который опять «один» [из членов ЦК], агрессором в данном случае выступает и молодежь (4). Угрозу представляют следующие действия Троцкого:

1. Он обвинил кадры в «перерождении» (3).
2. Он «противопоставил» (2) партийным кадрам молодежь. Любопытно, что, описывая молодежь, Сталин цитирует Троцкого, как бы «открывая» его позицию для критики. Молодежь противопоставляется Троцким контрреволюционности, перерождению, оказывается «ближе к марксизму» и т.п. Таким образом, в случае его победы она действительно становится грозным противником, ибо готова перехватить у «стариков» «революционность» — фундаментальное основание власти в то время.
3. Он «поставил» партийные кадры «на одну доску с партией социал-демократов в Германии». Этот эпизод заслуживает особого рассмотрения. В текстах самого Троцкого аналогия с германской социал-демократией отнюдь не является определяющей. Тем не менее Сталин посвящает ей довольно объемный кусок текста,

обращаясь к анализу положения дел в СДПГ. Здесь вновь доминирует термин «кадры» (5), синонимом к которому выступает слово «старики» (3). И те и другие характеризуются как «опытные» (8), однако «опыт» этих «кадров», да и сами «кадры», в противоположность кадрам РКП(б), сопрягаются с «борьбой с революционностью», «против диктатуры пролетариата», «против рабочего класса» и т.п. Не случайно Сталин соглашается с Троцким, что «этакие кадры» необходимо «изгонять... громить... разрушать». Тем самым он не только еще раз напоминает делегатам конференции, что торжество Троцкого, ставящего их «на одну доску» с переродившимися кадрами СДПГ и противопоставляющего им революционную молодежь, угрожает им утратой революционной, пролетарской легитимности⁸, но и предупреждает их, что оно чревато перспективой «изгнания, разгрома и разрушения».

⁸ В сталинской формулировке — «подрыв авторитета наших революционных кадров, ядра нашей партии».

Можно заключить, что подтекстом анализа Сталиным «четвертой ошибки» Троцкого является торжественный отказ верховной власти от права «изгонять... громить... разрушать» аппарат и кадры.

Говоря о «пятой ошибке» Троцкого, Сталин вновь возвращается к теме молодежи (2), сужая это понятие до «учащейся молодежи» (5) и одновременно расширяя его до «интеллигенции» (4), которая отождествляется с «непролетарскими элементами» (2). Все эти категории противопоставляются рабочим (6), пролетарским элементам (3) и позиции самого Ленина (2). Из контекста следует, что «учащаяся молодежь» и «интеллигенция» выступают вместе с Троцким в качестве носителей угрозы для «нашей партии» (14) и «наших комитетов» (2). Кроме того, содержится прямое указание на «интеллигенцию» как на причину расколов в партии.

Правомерно предположить, что в этом фрагменте содержится обязательство верховной власти оградить партаппарат от возможной «кадровой революции», а именно от вторжения молодежи и/или интеллигенции, которые заранее объявляются враждебным «нашей партии» элементом.

NB! Каким образом могло состояться это вторжение, не вполне понятно. Впрочем, от Троцкого всего можно было ожидать. Да и исторические прецеденты имели место: вспомним хотя бы затею М.М.Сперанского с введением образовательного ценза как условия получения приличного классного чина.

Несколько особняком стоит «шестая ошибка» Троцкого. В посвященном ей фрагменте текста, занимающем 49 строк, «Троцкий» (6) вкупе с «оппозицией» (3) предстает носителем такой угрозы, как «группировки» (18), которые Сталин отождествляет с фракциями (11). В результате формируется категория «группировка-фракция» (всего 32 упоминания), которая, в свою очередь, сопрягается с категорией «известные элементы», включающей в себя термины «частный капитал»,

«крестьяне» и снова «интеллигенты», то есть связывается с понятием непролетарского, контрреволюционного.

Жертвой является партия (17), а действия агрессора по отношению к ней характеризуются через понятия «обманывать», «толкают», «[чтобы партия] терпела», «открывают щель [для мясниковских элементов]», «загубим», «развал», «неизбежное разложение», «разрыхление», «размягчение», «превращение... в федерацию групп». Подобный действиям противопоставляется взгляд на партию как на «единую», «сколоченную», «настоящую стальную», «монолитную», «высеченную из одного куска», «имеющую одну волю», «объединяющую в одном потоке».

Таким образом, последнюю статью контракта можно интерпретировать как обязательство сохранять единство партии. Правда, не совсем ясно, чье это обязательство. Сохранение единства партии можно понимать и как обязательство вождей (верховой власти) охранять групповые интересы «своей команды» от посягательств со стороны чужаков, и как обязательство команды хранить верность своим вождям: «Не был! Не состоял! Не участвовал!».

Итак, подведем итоги. Анализ основной части доклада Сталина на XIII партконференции, где он разбирает «шесть ошибок Троцкого», позволяет выделить следующие статьи контракта:

1. Номенклатура вручает верховную власть в партии (и государстве) членам «тройки» и легитимирует эту власть авторитетом партийного форума.
2. Верховная власть, со своей стороны, подтверждает «пролетарскую, революционную» легитимность самой номенклатуры. Номенклатура получает иммунитет от обвинений в перерождении в некую особую бюрократическую группу, за ней закрепляется руководящая роль и статус «ядра партии».
3. Носитель верховной власти определяет свой статус в партийной иерархии как «первый среди равных», который должен играть по общим правилам, ограничивая себя выполнением «единогласно принятых решений». Верховная власть обязуется не игнорировать (тем более «грубо») волю партии, в том числе и в лице руководства местных организаций.
4. Верховная власть обещает не допускать никаких «кадровых революций», отказываясь от права «изгонять, громить, разрушать» аппарат и кадры, заменяя их молодежью.
5. Стороны принимают на себя обязательство поддерживать единство партии: верховная власть обязуется охранять групповые интересы «своей команды», а номенклатура — хранить верность вождям.

Говоря о дальнейшей судьбе контракта, необходимо отметить, что верховная власть вскоре нарушила все его статьи, за исключением той, где шла речь о признании легитимности партаппарата как института власти. Кадровая революция («смелее выдвигать молодые кадры!»), чистки («громить, изгонять»), невероятное возвышение верховной

власти — все это стало реальностью. И такой поворот событий, как представляется, был отнюдь не случайным.

После победы над всеми оппозициями между победителями — сталинской командой как воплощением номенклатуры и самим Сталиным как воплощением верховной власти — с неизбежностью возникли институциональные противоречия. Обеспечив триумф Сталина, правящий класс существенно ослабил свои позиции. К этому классу вполне приложимо понятие «номенклатура», охватывающее уже не только назначенцев-аппаратчиков, но и «вождей» всех уровней, включая членов ЦК, которые принесли своеобразный номенклатурный оммаж своему лидеру, признав себя «человеком сеньора». «Команда Сталина» добилась победы благодаря руководящим и объединяющим действиям лидера и уже в этом смысле перестала играть роль политически самостоятельной силы, приблизившись к клиентеле, группирующейся вокруг лидера-патрона.

Кроме того, с ликвидацией оппозиций исчезла и многополярность власти. Это резко сужало свободу маневра для теперь единой (сталинской) номенклатуры и уменьшало зависимость верховной власти от ее (номенклатуры) благорасположения. Здесь стоит вспомнить русское боярство XIII—XV вв., с которым князья были вынуждены считаться во многом потому, что бояре могли отъехать на службу к другому князю. В тот период бояре удаивались от князя именованию «слуги вольные», «братия» и даже «государи земли моей»⁹. Завершение «собираения земель» резко изменило ситуацию, и, потеряв свободу маневра, бояре стали для верховной власти уже не «государями», но «государевыми холопами»¹⁰. Таким образом, напрашивается парадоксальный вывод, что долгосрочным интересам сталинской номенклатуры отвечал не разгром, а сохранение ее противников (Троцкого, а позднее Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева и других), ибо исходившая от них угроза не шла ни в какое сравнение с той, которую несла в себе однополярность верховной власти.

В непростом положении оказалась и сама верховная власть, ведь после победы потребность в сильном лидере всегда теряет актуальность. Более того, после того как «город взят», армия по старому обыкновению требует «три дня на разграбление». Действительно, есть все основания полагать, что, устранив конкурентов и захватив монополию в партии и государстве, номенклатура начала усваивать модели поведения, категорически не устраивавшие верховную власть. С разгромом конкурирующих группировок и завершением процесса «собираения власти» среди сталинских партийных «бояр» неизбежно должно было возникнуть стремление спокойно пожинать плоды победы в виде «кормленных мест», пожалованных им на отвоеванных территориях как «по праву рождения» (дореволюционный стаж), так и за заслуги перед вождем. Тезис о стремлении к «спокойной жизни» косвенно подтверждает то, что в ходе борьбы с «новой» и «объединенной» оппозициями контракт был дополнен рядом статей, в которых верховная власть обещала

⁹ Соловьев 2003: 198.

¹⁰ Ключевский 2004: 93—94.

номенклатуре избавить ее от необходимости отправляться «в сабельный поход» мировой революции и на войну с крестьянством, а также взваливать на свои плечи все прелести «сверхиндустриализации»¹¹.

¹¹ См. *Об оппозиционном блоке* 1926.

¹² О «присвоении интересов» подробнее см. Маркс, Энгельс 1985. Значительный интерес представляет также работа известного социолога Р. Михельса (Michels 1985).

Верховная же власть, отождествляющая себя с государством и присваивающая его интересы в качестве своих собственных¹², склонна стремиться к иным целям. Величие вождя предполагает величие державы, в том числе и «в мировом масштабе». Поэтому, если верховная власть имеет амбиции и желает их реализовать, она всегда делает одно и то же: начинает «воевать наши старые ливонские вотчины», «воевать моря» и создавать империю, проводить индустриализацию, сооружать танковые армады, штурмовать космос, особо подчеркивая в сообщениях ТАСС, что ракета «приземлилась в точно заданном районе» и т.д. и т.п. Достижение этих целей требует от элит (либо клиентел) напряжения сил, что расходится с групповыми интересами этих самых элит (клиентел).

При таком разрыве интересов на повестку дня в качестве одной из альтернатив выдвигается дворцовый переворот и «кондиции». В этом смысле версия о заговоре против Сталина на «съезде победителей» с его тремястами пропавшими бюллетенями хотя и сомнительна, но привлекательна. Действительно, «так не договаривались»: патрон должен оберегать клиентов от угроз со стороны внешнего мира, а не бросать их на стройки пятилетки, требуя невозможного и действуя вопреки принятым на себя обязательствам. Тем более так нельзя поступать с элитой.

Была ли на XVII съезде «смута и мятеж в боярех» или нет, контракт все равно должен был прекратить существование, так как верховная власть убедилась в неэффективности своей элиты-клиентелы, особенно после провала первой пятилетки. Кстати, понимание неэффективности новой большевистской элиты и необходимости террора как способа ее преодоления пришло гораздо раньше. Достаточно отослать читателя к последним работам В.И.Ленина, посвященным бюрократизму: слова «арест» и «клоповник» проходят через них буквально истерическим рефреном. Борьба за власть 1923—1927 гг. временно сняла с повестки дня тему арестов: любой из претендентов, взявший ее на вооружение, гарантировал себе проигрыш, даже если он носил фамилию Троцкий и так далеко (до «клоповника») не заходил. Упрочение верховной власти к 1929 г. вновь позволило вернуться к мысли об использовании подобных методов, а провал ее амбициозных проектов сделал обращение к ним практически неизбежным. Здесь мы имеем дело со вторым возможным вариантом разрешения противоречий между верховной властью и номенклатурой — вариантом «опричнины», то есть террора и кадровой революции по принципу «...князья и бояре нам учили изменять, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»¹³.

¹³ Цит. по: *Скрытников* 2008: 336.

Однако чем бы ни был порожден режим террора, он качественно изменил статус номенклатуры, и даже определение «клиентела» здесь, видимо, не подходит, ибо ни о каких обязательствах верховной власти

перед номенклатурой речь, судя по всему, не шла. Номенклатура была окончательно низведена до положения «служилых холопов», данных «государю в работу», а сам Сталин вполне мог подписаться под знаменитыми словами: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны»¹⁴.

¹⁴ Там же: 312.

И только смерть вождя в 1953 г. вновь дала номенклатуре исторический шанс для реванша, каковым она с успехом воспользовалась, сперва восстановив (1956 г.), а затем значительно расширив (1964 г.) разорванные «кондиции» и вернув себе в полном объеме все то, что гарантировалось ей контрактом 1923—1927 гг.

Библиография

- Известия ЦК КПСС.** 1990.
- Ключевский В.О.** 2004. *История сословий в России. Полный курс лекций.* — Минск.
- Кобринский А.Л.** 2001. *Проблемы государственного строительства в Российской Федерации (По материалам стенограмм пленарных заседаний Государственной Думы 1993—1995 гг.).* — М.
- Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.** 1987. *Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ.* — М.
- Маркс К., Энгельс Ф.** 1985. *Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 томах.* Т. 2. — М.
- Об оппозиционном блоке в ВКП(б).** Тезисы к XV Всесоюзной конференции ВКП(б), принятые конференцией и утвержденные ЦК ВКП(б) // *Правда.* 26.10.1926 (<http://www.petrograd.biz/stalin/8-18.php>).
- Правда.** 1923.
- Скрынников Р.** 2008. *Иван III. Иван Грозный.* — М.
- Соловьев С.** 2003. *История отношений между русскими князьями Рюрикова дома.* — М.
- Сталин И.В.** 1947. Доклад об очередных задачах партийного строительства на XIII конференции РКП(б) 17 января 1924 г. // *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 6. — М. (http://grachev62.narod.ru/stalin/t6/t6_02a.htm#s1#s1).
- Титов К.В.** 2005. «Contrat social» по-хрущевски (Доклад «О культе личности и его последствиях» как договор верховной власти с номенклатурой) // *Полис.* № 5.
- Титов К.В.** 2010 «Contrat social» по-брежневски (Номенклатура и верховная власть: реконструкция контракта 1964 г.) // *Полития.* № 3.
- Michels R.** 1985. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy.* — N.Y.